

ХРИСТИАНСТВО И СОЦИОЛОГИЯ - "ДВА ГРАДА" ОТЦА СЕРГИЯ

(С. Н. Булгакова)

Автор: Е. И. КРАВЧЕНКО

КРАВЧЕНКО Елена Ивановна - доктор социологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета (E-mail: elena.mslu@mail.ru).

Аннотация. Статья приурочена к 100-летию первого выхода сборника С. Н. Булгакова "Два града" и обращена к истокам отечественной социальной мысли в ее религиозном прочтении. Учитывая возрастающий научный интерес к проблемам ценностно-ориентированной социальной науки и увеличение числа вузов, в которых готовятся верующие специалисты-социологи, автор приглашает читателя поразмышлять о мировоззренческих основаниях социального знания, о принципах христиански ориентированной социологии.

Ключевые слова: христианская социология * теософия * религия и нравственность * вера и разум

"Наука принципиально опирается на религию, а не противоречит ей, как это странным образом сложилось в современных представлениях". ... "Наука сама основывается на вере в разум, в единство разумного начала в микрокосме и макрокосме, на религиозном и благочестивом признании ценности истины и любви к ней". С. Н. Булгаков. "Религия человекобожия у русской интеллигенции"

В 2011 г. исполнилось 140 лет со дня рождения Сергея Николаевича Булгакова (1871 - 1944) и 100 лет с даты выхода в свет двухтомного сборника его работ 1904 - 1910 гг. "Два Града. Исследования о природе общественных идеалов". Слишком многое из того, что было опубликовано век назад С. Н. Булгаковым, все еще пронзительно, остро воспринимается. Для русского человека XXI века обращение к наследию мыслителя-богослова иначе как возвращением к себе трудно назвать, ибо укорененность в культуре своей страны, причастность к ее судьбе была и остается неисчерпаемым источником развития любого народа. "Расти можно только из почвы, которая обуславливает непрерывность и единство роста, и, чтобы устремляться в будущее, надо быть крепко связанным с прошлым, жить им, опытно его знать", - пишет Булгаков о мистической и явленной преемственности в истории [Булгаков, 2008а: 62]. Воистину "мы всего лишь карлики, сидящие на плечах гигантов"¹. Однако сразу ого-

¹ Авторство афоризма приписывают французскому философу-неоплатонику и богослову XII века Бернарду Шартрскому. Впервые упоминается Джоном Солсберийским в 1159 г.: "Nos esse quasi nanos, gigantium humeris insidentes".

воримся: речь пойдет не о вечном споре славянофилов и западников, а ныне почвенников и глобалистов, - масштаб Булгакова гораздо больше и значительнее этого противопоставления, - а об общепринятом уважении к устоям национальной науки, о почтительном и вдумчивом отношении к ее корням. К счастью, корни эти по-прежнему живы, сильны и готовы дать обильную поросль. "Вперед - к Булгакову!" - так мы позволим себе перефразировать высказывание философа, филолога и богослова XX века Г. В. Флоровского (1893 - 1979)².

Возвращение к прошлому (впрочем, стал ли серебряный век русской культуры для нас прошлым - это еще вопрос) в случае русской социологии обретает особый смысл. Ее бедственная судьба на долгие десятилетия лишила наших обществоведов возможности прикоснуться к истокам как потому, что доступ к трудам отечественных социологов, не разделявших марксистских воззрений, был ограничен, так и потому, что многие вещи были чужды ментальности людей советской формации. Утрата связи с религиозным наследием изменила отношение к нравственности.

Начавшееся в конце 1950-х гг. и продолжающееся сегодня возрождение русской социологии *в основе своей* почти не затронуло тот пласт её истории, где царили С. Н. Булгаков и Н. И. Бердяев, С. Л. Франк и Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин и братья Трубецкие, П. И. Новгородцев и Ф. А. Степун, а с ними немало других мыслителей - "идеалистов" русского религиозного ренессанса. По понятным причинам их труды долгие годы были скорее поводом для критики с марксистских позиций, нежели самостоятельным сюжетом **социологических исследований**³. Благо, время это миновало и сегодня российские социологи бережно вчитываются в знакомые и вместе с тем каждый раз изумляющие откровениями строки своих великих предшественников⁴.

О чем же сегодня может нам поведать С. Н. Булгаков из далекого по времени, но не по духу, былого? Тем множество, поэтому остановимся на тех, которые сильнее всего в нас отозвались. Прежде всего, это мучительное вопрошание о гении и злодействе, о даре и ответственности за него в духе столь ценимых Булгаковым Ф. М. Достоевского и А. С. Пушкина. Применительно к научному творчеству его смысловые обертоны таковы: исчерпывается ли талант секретами и тонкостями мастерства? Вправе ли талантливый человек быть двоедушным? Должен ли учёный, постигая взаимоотношения людей, сосредоточиваться только на ремесле, навыках искусной работы или от него по самому замыслу профессии требуется нечто большее?

Жизнь по вере

"Эта верность вере, призвание к вере и жизнь по вере... - есть основной факт моей жизни, который мне хотелось бы установить и утвердить именно перед лицом моего неверия". С. Н. Булгаков. "Мое безбожие"

"Два Града" были изданы в 1911 г.⁵ К этому времени за плечами С. Н. Булгакова были женитьба, рождение троих детей, из которых трехлетний Ивашечка умирает в 1909 г., защита магистерской диссертации "Капитализм и земледелие" (1901 г.), недолгое увлечение марксизмом, а затем полное в нем разочарование, свидетельством чему стало участие в сборниках: "Проблемы идеализма" (1902 г.), "От марксизма к

² Г. В. Флоровский призывал возвратиться к святоотеческой традиции Вселенской Церкви, выдвинул лозунг: "Вперед - к Отцам!".

³ Для иллюстрации типичного для того времени отношения к дореволюционной отечественной социологии сошлюсь на работу [Кувакин, 1975] и сборник очерков по истории русской "немарксистской" социологии [Социологическая мысль..., 1979].

⁴ Отрадно, что христианская социология появилась в учебниках. См.: [Воронцов, Громов, 2005: 264 - 314]; [Гараджа, 2004: 389 - 403]; [Миненков, 2000: 256 - 308].

⁵ Булгаков считал "Два града" непосредственным продолжением своего предыдущего сборника "От марксизма к идеализму" (1903 г.).

идеализму" (1903 г.) и в "Вехах" (1909 г.), опыт работы во Второй Государственной Думе в качестве беспартийного депутата и, наконец, после почти 15-летнего пребывания "в духовно обморочном состоянии" [Булгаков, 2008b: 349] сознательное возвращение в лоно Православной Церкви. Такова внешняя канва его биографии, внутри которой сильно и властно раскрывается естество, зреет могучая личность будущего представителя религиозно-философской мысли. Всегда надобно, подсказывает Булгаков, "во внешних событиях искать и внутренних свершений, во временном прозревать судьбы вечного духа" [Булгаков, 2008b: 22]. Каковы же они?

Первое десятилетие XX века в жизни Булгакова - время "бурных кризисов и сомнений" [Булгаков, 2008b: 351], в котором видится безупречная соразмерность поиска своего предназначения, жизненных идеалов, с одной стороны, и напряженных раздумий о судьбах российского общества и отечественной культуры, науки, с другой. Должно пройти чуть менее 20 лет, прежде чем Сергей Николаевич Булгаков, тогда уже отец Сергей, начнет читать курс христианской социологии в Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже (1927- 1928 гг.), но приступает он к его подготовке с момента сознательного и радикального пересмотра своих взглядов, правда, вторично.

Впервые это произошло в отрочестве. Затих в душе голос "левитской крови"⁶ и вдруг оказалось, что детская вера, не исчезнув вполне, обрела иную суть. Это был переход "не от веры к неверию, но с одной веры к другой, чужой и пустой, но все-таки вере, имеющей для себя свои собственные святыни", вспоминал зрелый С. Н. Булгаков [Булгаков, 2008b: 349]. С 14 - 15 и почти до 30 лет он пытался найти ответы на мировоззренческие и нравственные вопросы, обращаясь к светскому образованию, к науке. Однако "одновременно с умственным ростом и научным развитием, душа неудержимо и незаметно погружалась в липкую тину самодовольства, самоуважения, пошлости... О, я был как в тисках в плену у "научности", этого вороньего пугала, поставленного для интеллигентской черни, полуобразованной толпы, для дураков!" [2008b: 351 - 352]. Булгаков пришел к убеждению: что произошло с ним, пережили многие его современники, в том числе семинаристы Добролюбов и Чернышевский. "...Интеллигентщина, - судьба и проклятие нашей родины, искушение от нигилизма, надолго оторвавшее меня от почвы... Я оказался ею отравлен чрез такое привитие этого яда, которому я бессилён был оказать противодействие" [Булгаков, 2008b: 345, 347]. Прозрение приходит постепенно, захватывая все его существо, и "Два Града" -серьезный рубеж на пути, кульминацией которого в 1918 г. становится решение принять священнический сан.⁷ Булгаков вспоминал об этом так: "...В среде интеллигентской, где безбожие столь же естественно подразумевалось, принятие священства, по крайней мере в состоянии профессора Московского университета, доктора политической экономии и проч., являлось скандалом, сумасшествием или юродством, во всяком случае самоисключением из просвещенной среды" [Булгаков, 2008b: 360]. Реакция со стороны университетских коллег последовала незамедлительно: сразу по рукоположении теперь уже о. Сергей был исключен из Московского университета, а после занятия большевиками Крыма (куда Булгаков выехал для встречи с семьей) и из Симферопольского университета. Самой эмоциональной оказалась реакция со стороны Карла Каутского. Узнав о принятии С. Н. Булгаковым священного сана, тот вскричал: "Булгаков обьидеотел!"⁸.

⁶ Левий - третий сын ветхозаветного патриарха Иакова от Лии (Быт. 29:34). Его потомки (левиты) были избраны исключительно для служения Богу. "Левитская кровь" текла и в жилах Булгакова: он принадлежал роду потомственных священников, став шестым в их ряду.

⁷ Внутренним препятствием к этому была связь Православия и самодержавия, что привело, по Булгакову, к "цезарепапизму", "к унижительной и вредоносной зависимости Церкви от государства" [Булгаков, 2008b: 361]. Лишь после революции 1917 г., когда церковь стала гонимой, он решает принять сан.

⁸ Так сам Булгаков переводит восклицание Каутского: "Und Bulgakov ist fromm geworden!" [Булгаков, 2008b: 370 примеч.].

Для Булгакова это был глубоко осознанный шаг, метанойя, означавшая истинное покаяние, разворот всей жизни в том направлении, по которому он будет идти до самого конца. У него никогда не получалось жить вразрез с собственными убеждениями, какими бы они ни были, "двоиться" между собственно жизнью и профессией. Его пылкая и цельная натура не выносила криводушия, хотя в силу свойственной всем людям двойственности - духовного начала, свободы, с одной стороны, и плотской природы, земных привязанностей, с другой, - была призвана жить в "двух градах" одновременно⁹. И, тем не менее, человек един, как едины на глубине и по сути все сферы его жизни, чем бы он ни занимался.

Отчего так? Ответ Булгакова однозначен: человек един потому, что изначально и сокровенно религиозен, если вспомнить аутентичное значение этого слова - вновь собирать, воссоединять, восстанавливать разорванную связь. Человек может слыть "нерелигиозным", даже "антирелигиозным", но "внерелигиозным" он не бывает никогда. "...Религиозность есть естественное и даже неизбежное самочувствие... Религия, по самому буквальному и первоначальному своему значению, есть чувство своей *связи* с целым, с абсолютным ... Религии различны, но религиозность всеобща" [Булгаков, 2008а: 56]. Согласно Булгакову, только благодаря прирожденной религиозности человек обретает полноту. "...Определяющей силой в духовной жизни человека является его религия - не только в узком, но и в широком смысле слова, т.е. те высшие и последние ценности, которые признает человек *над* собою и *выше* себя..." [Булгаков, 2008а: 120]. Так выстраивается вертикаль, служащая "смысловым отвесом", по которому выверяется наша жизнь, дни и дела.

Верой живут все люди, свидетельствуя о том, во что они верят не только своими жизненными пристрастиями, но и научными предпочтениями. "От избытка сердца говорят уста" (Мф. 12, 34; Лк. 6, 45) в любом виде творчества. Неизбывное желание человека понять мир, в котором он живет, а в конечном итоге прояснить смысл собственной жизни, невозможно без внешнеположенной, *метафизической* системы координат. "Человек не может утверждаться только в себе и на себе...; он выносит центр своего существования за пределы своего я, духовно выходит из себя, рассматривает себя лишь в связи с целым, ...делает себя в этом смысле формой, воспринимающей абсолютное содержание" [Булгаков, 2008а: 56]. В противном случае мы получаем своего рода замкнутую саму на себя циклическую ссылку, классический плеоназм с характерной для него стилистической выразительностью, но бесполезный с точки зрения науки¹⁰. Академическая социология всегда отдавала себе в этом отчет вне зависимости от того, как именно видела свою миссию: в реформаторстве (О. Конт, К. Маркс) или просто в "попытке понять" (Г. Зиммель, М. Вебер). А с конца XIX- начала XX века во многом благодаря Максус Веберу ценностные координаты научного поиска признаются спецификой всех наук о человеке.

Русским христианским мыслителям круга С. Н. Булгакова (в который входили и неокантианцы Б. П. Кистяковский, П. И. Новгородцев и легальный марксист П. Б. Струве) неизбежность ценностно-ориентированного общественнознания очевидна с самого начала. И не им одним. Уже с первых шагов отечественная социология устами позитивистов признала невозможность существования социологии за пределами аксиологии. Достаточно упомянуть имена таких представителей "субъективной школы" как П. Л. Лавров, который подчеркивал относительную ценность "сущего" и безусловную - "должного", или Н. К. Михайловский, скорбевший о "правде-истине", разлученной с "правдой-справедливостью". Что касается ортодоксальных марксистов, то отождествление ими понятий "объективность" и "партийность" говорит само за себя.

⁹ С. Н. Булгаков, вслед за Блаженным Августином, называет их градом небесным (жизнь "по духу", "по Богу") и градом земным (жизнь "по плоти", "по человеку").

¹⁰ Отметим, что разговор о донаучных основаниях нашего поиска начали представители естественных наук (Э. Гуссерль, Б. Рассел, Л. Витгенштейн); в социологии тезис о самоочевидных предпосылках науки усилиями феноменологов стал аксиомой.

Нелишне вспомнить и этические обязательства, которые налагал на ученого Н. К. Михайловский. Заимствуя у Г. Спенсера понятие "сочувственного наблюдения", или "сочувственного опыта", как способности выйти за пределы собственных предубеждений, Михайловский "преграждал" дорогу в профессию людям, не способным к состраданию.

Восприятие обществоведа как беспристрастного диагноста отечественным социологам, а религиозным особенно, не было свойственно в принципе. Впрочем, само определение диагноста как абсолютно объективного эксперта, беспредпосылочно выносящего свой вердикт *tabula rasa*, представляется не более чем интеллектуальной конструкцией или утопией. По существу, именно об этом говорится в части 1.3 Этического кодекса социолога, принятого МСА в 2001 г.: с одной стороны, социолог должен "быть непредвзятым, *насколько это возможно*, в то время как с другой, признавать предварительный и относительный характер результатов своих исследований, *не скрывая собственной идеологической позиции*" [Code of Ethics..., выделено мною. - Е. К.].

Нет и быть не может мировоззренчески нейтральных теорий общества хотя бы потому, что любой специалист ставит диагноз, всегда имея в виду желательное положение вещей, норму, отклонения от которой ему предстоит выявить. Не случайно С. Н. Булгаков уточняет тему своего сборника "Два Града" как исследования о природе общественных идеалов. Трудно предположить, замечает он, что Вл. Соловьёв, А. С. Хомяков или Ф. М. Достоевский будут видеть мир так же, как рационально мыслящий интеллект. "...Что для одного представляется пережитой аберрацией ума, для другого как раз явится наиболее ценным" [Булгаков, 2008а: 532]. Живя в одном опытно постигаемом мире, они, тем не менее, живут в разных метафизических мирах в силу того, что эмпирическая картина истории не совпадает с ее смысловым наполнением. Принципиально ошибочно, предостерегает Булгаков, дешифровать человеческую историю в события конкретно-исторические - "внутреннее, духовное, нуменальное их значение может совершенно не соответствовать их эмпирически-историческому выражению" [Булгаков, 2008а: 386], потому как различна "последняя основа", "истинная природа их культурно-общественного идеала" [Булгаков, 2008а: 56]. Какова она у С. Н. Булгакова, и, соответственно, чем примечательна его социология?

Социология как раздел нравственного богословия

Сознательное обретение веры Булгаковым - это восстановление величия человека, полноты жизни, достоинства науки. Однако в отличие от мессианских пророчеств О. Конта и К. Маркса первостепенную задачу отечественной религиозно-философской мысли он видит в исцелении "разорванного, превращенного в обрывок самого себя в системе разделения труда" человеческого сознания. Восстановить его целостность, считает Булгаков, можно только связав "глубины бытия с повседневной работой, поставив личную жизнь *sub specie aeternitatis*" [Булгаков 2008b: 162].

С. Н. Булгаков любил цитировать немецкого теолога и историка XIX - начала XX в. А. фон Гарнака: "Чистая наука - дивная вещь... Однако на вопросы: "откуда, как и зачем", она и в наше время так же не в состоянии ответить, как и две или три тысячи лет тому назад" [Гарнак, 2010: 221]. Ответ лежит в области совсем иного опыта - метафизического, опыта веры. Парадокс в том, что сообразно логике герменевтического круга, религиозность в ее булгаковском толковании есть донучное начало и одновременно метанучный исход науки, не упраздняющий, а, напротив, только и делающий ее возможной. Вне первичных смысловых координат исключены и какое бы то ни было целостное восприятие мира, и самоориентировка, и научная деятельность. Целокупность и осмысленность - грани единого.

Впрочем, единство мироздания является общим местом всех эволюционных теорий. Однако "теория эволюции устанавливает лишь *порядок* становления нового создания" [23, с. 440], не ведая чуда. Для нерелигиозного сознания эволюционистов жизнь

"произошла", она - не более чем случайная находка в ходе исторического развития; для религиозного сознания жизнь "дана свыше, она священна, полна тайны, глубины и непреходящего значения". Стало быть, суть вопроса в том, "где же искать мирового демиурга, творящего эту "естественную необходимость"? ...В совершенно чуждом нашему внутреннему, непосредственному опыту представлении о косной материи или же... в светлой силе человеческого и мирового духа? Эти исходные философские и религиозные предпосылки не могут быть даны наукой..." [Булгаков, 2008а: 398, 440].

Для Булгакова, ученика Вл. Соловьева и друга П. Флоренского, идея всеединства реализуется в Софии, премудрости Божией. В "Двух Градах" понятие Софии как таковое не встречается, но ее незримое присутствие ощутимо. Невозможно поверить, чтобы философ такого ранга мог пренебречь базовым принципом критического мышления, известным как "бритва Оккама": не следует множить сущности (читай, вводить новые законы или понятия), если изучаемое явление можно объяснить посредством уже имеющихся.

Поступаясь богословскими разъяснениями (они были бы слишком обширными и далеко не однозначными¹¹), обратим внимание на более привычную социологии функциональную предназначенность Софии. "Человек и человечество, - пишет Булгаков, - есть высшее откровение Божества, ради которого создан этот мир, которое является посредствующим между Творцом и творением, душой мира", его организующей [Булгаков, 2008а: 103]. София есть *natura naturans*, изначальная целостность бытия во всем многообразии его проявлений. "Занимая место *между* Богом и миром, София пребывает и между бытием и сверхбытием, не будучи ни тем, ни другим или же являясь обоими зараз" [Булгаков, 1994: 188]. София - это связующее звено между двумя мирами, творением и его Создателем, путь приобщения твари Творцу, восхождения от мира дольного к миру горнему. И в то же самое время это попытка нащупать основу воссоединения современной Булгакову социологии и богословия, секулярного мироощущения и метафизических первоначал, а в итоге для преодоления трагического "расчеловечивания", "разламывания" человека социальными науками на субъекта рациональных действий и "чужеродного" ему обладателя духовных даров.

Замысел Булгакова - обозначить грань научного поиска, которая, пользуясь выражением этнометодолога Г. Гарфинкеля, нами "видима, но не замечаема". Действительно, сфера приложения наших профессиональных усилий, ее рельеф настолько привычны, что взгляд, как говорят геологи, долго смотревшие в теодолит, "замыливается", скользит по поверхности. А между тем наука об обществе, будучи дисциплиной социальной, всегда занимала промежуточное положение между науками естественными и гуманитарными. Мировое научное сообщество давно признало ошибочность двумерного распределения отраслей знания [Асп, 2000: 66]. Удел социологии - состояние постоянного напряжения между крайними полюсами: исчисляемостью с ее законосообразной предсказуемостью и признанием уникальности внутреннего мира человека, прикоснуться к которому можно скорее эмпатией, нежели научным скальпелем. Социологии уготована роль миротворца, терпеливо вслушивающегося в бурный диалог наук о природе и наук о человеке. Как выразился Ф. Стендаль, опереться можно только на то, что оказывает сопротивление. Социология не может развиваться иначе, как балансируя между двумя полюсами, черпая силы с обеих сторон.

Безусловно, мы имеем все основания утверждать, что социологическая модель человека, как и любая другая, есть условность, создаваемая для решения определенной задачи. "Всякое определение есть отрицание", - напоминают нам Спиноза и Гегель. Изучаемое явление всегда "страдает", ибо только "через *принесение объекта в жертву предмету* достигается требуемая степень их соотносимой аутентичности" [Бачинин, 2004: 124, выделено мною - Е. К.]. С. Н. Булгаков придерживается аналогичной точки зрения: "Нельзя вообще ожидать и требовать от науки больше того, что

¹¹ Булгаков не претендовал на догму, скорее на теологумен, однако софиология вызвала резкую критику со стороны Православной Церкви. См.: Указ Моск. патриархии от 7 сент. 1935 г. N1651.

она имеет и может дать, иначе получается научное суеверие" [Булгаков, 2008а: 335]. Наука, вторит ему С. Л. Франк, изучает "промежуточный слой или отрезок бытия в его внутренней структуре", "вне отношения мира как целого... к его первопричине, к абсолютному началу, из которого он произошел и на котором он покоится" [Франк].

Как существо родовое, подлежащее влияниям и ограниченности своей среды, человек подвластен науке и ее "*социологическим реактивам*" [Булгаков, 2008b: 24; выделено мною - Е. К.]. Вместе с тем, до конца "растворить" в социологии можно лишь то, что в ней "действительно растворимо" [Булгаков, 2008а: 124]. Человек, человеческие отношения таковыми не являются. Социологизм упраздняет "внутреннего человека", размывая его во внешних политических и социальных событиях. "Личности погашаются в социальные категории, подобно тому как личность солдата погашается полком и ротой, в которой он служит" [Булгаков, 2008а: 126]. Уходит "внутренний человек", а вместе с ним уходит и "царственное достоинство свободы", "духовная трагедия связанного Прометея", мятущегося между "постоянным компромиссом и постоянной борьбой", между участью "свободного раба" и жребием "порабощенного царя" [Булгаков, 2008а: 233]. Изъятие этого принципиального момента превращает социальную науку, политическую экономию, государствоведение в *технику*, разрешающую поставленные ей задачи, но не имеющую самостоятельного идеала, который дается только религиозным отношением к личности, констатирует Булгаков [Булгаков, 2008а: 303].

А тем временем человек, в силу его Божественного подобия, ведом "святой тревогой искания", "неумолчным зовом куда-то вдаль и ввысь", "непримиримостью к настоящему" [Булгаков, 2008а: 60]. "Дитя двух миров", он "тянется одновременно вверх и вниз, раздирается борьбой различных и противоположных начал" [Булгаков, 2008а: 106], а потому и человеческая история движется борьбой "духовных сил, ...созревающих и выясняющихся в этой борьбе", - свидетельствует Булгаков [Булгаков, 2008а: 55 - 56]. Отсюда сведение социального мира к "совокупности феноменологических своих обнаружений, исчисляемых и изучаемых наукой" [Булгаков, 2008а: 525] обедняет научные результаты, ибо лишает жизнь ее глубин, видимых только метафизически.

Собственно поэтому "последнюю основу" общественности, читай солидарности и социальной жизни в целом, Булгаков видит в *религии*, "истинной природе культурно-общественного идеала". Именно религия, убежден мыслитель, являет собой "универсальное единящее начало, и человек есть существо общественное... лишь насколько он есть существо религиозное" [Булгаков, 2008а: 55]. Стержнем общества являются не условия жизни, не взаимная выгода и не принуждение (хотя таковые играют свою роль), но представления о добре и зле, о правде и кривде, а значит о Высшей справедливости, милосердии и воздаянии.

Более того, убежден Булгаков, оснований нашего ценностного самоопределения только два: к Богу (богочеловечество) и против Бога (человекобожие) [Булгаков, 2008а: 58]. В них берут свое начало аксиоматичность и ценностная природа научных изысканий, потому что даже "неверие есть действительно вера, вера в научность, в рационализм" [Булгаков, 2008а: 409]. И в первом, и во втором вариантах религиозных предпочтений первичен предмет веры, ее интенция; вторично - их оформление в ту или иную социально-философскую доктрину.

В первом случае мы имеем дело с самообожествлением человека, его сосредоточенностью на самом себе без Бога или против Бога. "Человечество целует раны свои, поклоняется страстям своим, ...отлагаясь от Бога, хочет жить "во имя свое". На протяжении всей всемирной истории можем мы наблюдать это зрелище" [Булгаков, 2008а: 60]. Социологии этот путь знаком хорошо, ибо само ее рождение - яростный протест против проникновения богословия в сферу науки. О. Конт утверждал, что "состояние возмужалости нашего ума... заключается в повсеместной замене недоступного определения причин... простым исследованием постоянных отношений..." [Конт, 1996: 16 - 17]. Человеческий разум отказывается от поиска первопричин и смысла существования мира (*откуда? для чего?*) ради обнаружения наличных закономерностей и связей (*как? каким образом?*). Позже Э. Дюркгейм провозгласит, что бог и есть общество,

персонифицированное символически [Durkheim, 1915: 206]. Булгаков характеризует такой нигилизм "во имя культуры и свободы" как крайнюю форму человекобожия.

Во втором случае речь идет о *свободном* усвоении человеком божественного содержания жизни. Выбор всегда делает сам человек: пойдет ли он вслед Христу или отвернется от Него. "Человечество не может ни спастись, ни преобразить себя и мир своими силами, но оно и не должно быть спасено насильно" [Булгаков, 2008а: 438]. Этот путь малопонятен и далек для "традиционной" социологии, но не для Булгакова. Чем глубже он входит в науку, тем яснее осознает неизбежность разрыва с устоявшимися взглядами на обществознание. "Не только в сердце и в жизни, но и в мысли, из социолога я становился богословом", - признается он [Булгаков, 2008b: 360]. С начала XX века Булгаков начинает разрабатывать социально-философскую парадигму *мистического реализма*, согласно которой человеческая общность мыслится в качестве "некоего субстанционального начала", "живого духовного организма"¹² [Булгаков, 2008а: 525]. Ввиду этого социология нуждается "не только в горизонтальном, но и вертикальном разрезе, не только в евклидовских, но и иных измерениях", не только в каузальном, но и телеологическом истолковании [Булгаков, 2008а: 364].

Казалось бы, совмещение в науке двух принципиально разных масштабов человеческой жизни - социального и метафизического, Царства кесаря и Царства Небесного - невысказано. Однако Булгаков настойчиво повторяет: вечность открывается нам в истории, в своей тварности, относительной и ограниченной; для всего существуют "времена и сроки"; "все имманентное имеет связь с трансцендентным" [Булгаков, 2008а: 62]. И если Царствие Божие "не придет приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть" (Лк., 17: 20), то социология и богословие имеют дело с одной и той же областью *человеческих отношений*, правда, по-разному увиденной: с точки зрения ее социальной атрибутики, как "факт внешнего мира", и с точки зрения ее причастности сверхприродному началу, Богу. Возможность совмещения этих измерений Булгаков видит на путях выхода за рамки социологизма в сферу богословия, но в полный голос он заговорит об этом за пределами России. Там появится на свет его христианская социология. Только в ней, уверен Булгаков, мы в состоянии разрешить основное "недоразумение" между христианством и социальной наукой, заключенное в отношениях обезличенной социальной группы и человеческой личности.

Упомянутая в "Двух Градах" как "ось, вокруг которой обращается мысль нового времени", как "искание автономной, освобожденной христианством личностью соответствующих форм внешней жизни" [Булгаков, 2008а: 303], проблема системных ограничений дарованной человеку свободы разрешается Булгаковым двумя десятилетиями позже блестящим и безупречным с социологической точки зрения афоризмом: "Чтобы проявиться свободе, не требуется ее неограниченности, она вносит свое "как" в то, что дано необходимостью. И в этом "как" заключены минимальные вариации или возможности, без которых и вне которых не существует и социологических необходимостей" [Булгаков, 1993: 124; выделено мною - Е. К.]. Определяют это "как" наши становые ценности, они же - наши отношения с Богом. Вот отчего "христианская социология существует - как отдел нравственного богословия: она ставит практическую жизнь пред христианской совестью, нося прикладной или технический характер" [Булгаков, 1993: 124]. Наблюдая типы и закономерности общественной жизни, она ни на секунду не забывает, что человек - "сын свободы, находящийся в плену у необходимости... Он творит историю, лишь поскольку он свободен, а свободен, поскольку служит идеалу..." [Булгаков, 2008а: 343]. Практическое отношение к идеалу и ценностям, ему подлежащим, определяет жизнь и суть нашего общественного служения, включая научное.

¹² Булгаков пишет здесь о национальности, однако это приложимо к исследованию социальных феноменов в принципе.

Принято считать, что С. Н. Булгаков является создателем и активным сторонником концепции христианского социализма. Однако подобная констатация не дает ответа на вопрос, в чем именно видит Булгаков суть и привлекательность социалистического устройства общества. Проще всего было бы вспомнить о юношеской увлеченности Булгакова марксизмом, но "Два Града" оберегают нас от этой поверхностной, хотя и не лишенной серьезных оснований, параллели. Для начала проясним отношение мыслителя к государственности как таковой вне зависимости от ее исторического облика. Памятуя, что государство есть "организация порядка", Булгаков обнажает его сердцевину - "организованное мерами и в этой организованности самодовлеющее человечество, "царство от мира сего"" [Булгаков, 2008а: 270], а значит жизнь "по плоти", страстью ко власти над себе подобными. Таков объективный трагизм мира, вовлекающий нас в свою неизбежность. И в этом смысле не существует принципиальной разницы между социализмом и каким-либо иным строем. Всякое земное государство есть воплощение религии *человекобожия*, обретающего формы в конкретных *социально-экономических* процессах. Соответственно все "научнообразные" теории прогресса, невзирая на их различия, признают "одну-единственную ценность- человека в смысле любого представителя вида в отдельности или же рода в целом" [Булгаков, 2008а: 103], т.е. ранжированного сообразно некому социальному критерию. По контрасту, в христианской религии *богочеловечества* вера в человека нераздельна от веры в Бога, ибо Церковь - совокупность "индивидуальностей, душ, личных совестей, не подавляющих, но религиозно утверждающих свое "я"" [Булгаков, 2008а: 327]. Христианству чуждо превращение человека "в странную, полную непонятных противоречий, двуногую тварь" [Булгаков, 2008а: 103], в диогеновского "ощипанного петуха".

Обращаясь в качестве примера к социализму и его мифологии "законов", Булгаков подмечает, как важны в нем "внешнее положение лица в производстве" и, в силу классового принципа организации, "эмпирические различия людей... их непримиримость" [Булгаков, 2008а: 328]. Прямым следствием восприятия человека как "рефлекса экономической обстановки" [Булгаков, 2008а: 419] становится убежденность в возможности духовного возрождения общества посредством экономических реформ¹³. Напротив, христианство - "движение религиозное, вытекающее из отношения души к Богу и лишь в качестве производных выводов дающее принципы социальные" [Булгаков, 2008а: 323]. Социальные различия людей для него непринципиальны; важно то, во что человек верит, чем живет, ибо "и в новом строе личность может оказаться опустошенной и морально разлагающейся" [Булгаков, 2008а: 420].

Показателем для различения социализма и христианства вопрос о собственности. Если в марксовом социализме собственность - категория экономическая, обусловленная способом организации общества, то в христианстве - нравственная, "чувство собственности" как "духовный плен у собственного имущества" [Булгаков, 2008а: 246]. И бедняк, сгорающий от зависти, и упивающийся своим состоянием богач, и не свободный от эгоистического самоутверждения пользователь общественных благ при социализме одинаково больны любостыжанием. Поэтому "никакая внешняя реформа, хотя бы социалистическая, не способна устранить себялюбивое чувство собственности" [Булгаков, 2008а: 247].

Итак, социализм далек от панацеи, а тем более от христианства, призывающего живя в мире сем, быть не от мира сего, "не сливаться с миром до конца, до безразличия, всегда носить в сердце чувство расстояния, идти не по земле, а над землею, как ни близко к ней, но всегда над нею" [Булгаков, 2008а: 298]. Возможна ли их симфония? - "Вполне", - отвечает Булгаков. Признавая относительную историческую необходимость любого строя "в том смысле, что в данный момент его непосред-

¹³ Предостережение оказалось пророческим. Т. И. Заславская прямо указывает на основную причину провала перестройки - пренебрежение человеческим потенциалом, в т. ч. его социально-культурными параметрами.

ственно нельзя устранить, не подвергая опасности самого существования общества" [Булгаков, 2008а: 243], он доказывает неуклонное вращение экономики в социализм посредством муниципального управления, кооперативов, установленного минимума заработной платы [Булгаков, 2008а: 334]. А социальная терапия, или "реальная политика", обязательно должна учитывать наличные формы и "пределы эластичности социальной ткани, чтобы не совершить ее разрыва или полома скелета во имя стремления придать социальному телу новую форму" [Булгаков, 2008а: 243].

Еще более веский аргумент в пользу социализма - система средств социальной помощи, социально ориентированная государственная политика. "Практический социализм целиком может укладываться в христианство" [Булгаков, 2008а: 341], правда, при одном условии: если человеческая история - это арена борьбы мистических начал, то ее отгиски во времени следует рассматривать, исходя из их духовного наполнения. Демократия, равно как "социалистическое движение может воодушевляться разным духом и принадлежать к царству света или делаться добычей тьмы ...добро и зло различаются не снаружи, а изнутри" [Булгаков, 2008а: 148]. Социализм становится тьмой, когда превращается в религию земного рая, грядущего социального чуда, напоминая об иудейском хилиазме. Социализм может хотя бы отчасти вместить в себя свет, если станет продуманной "совокупностью социальных реформ", "средством для осуществления требований христианской этики" [Булгаков, 2008а: 333]. Способы и темпы этого преобразования могут быть различны - суть не в них. Важно иное: религиозное почитание социализма предполагает осознание "голых" (классовых) интересов и борьбу за их реализацию, а христианский социализм утверждает понимание общественной жизни как "системы взаимных обязанностей" [Булгаков, 2008а: 225], как служения. Здесь бессильны и велеречивые декларации, и высокие указы, и принудительные меры. Осознание этого возможно лишь изнутри, в стремлении жить по "евангельским заповедям любви и помощи ближнему", доверием, а не расчетом на ответную услугу. "Социологического спасения человечества" посредством социализма недостаточно, оно "не может заменить собой надежды на спасение религиозное" [Булгаков, 2008а: 126]. Крепкая государственность с ее "здоровым национальным эгоизмом" [Булгаков, 2008а: 536], как и народное хозяйство, подводит итог Булгаков, требуют "духовного здоровья народа" [Булгаков, 2008а: 226], особенно в условиях "иссушающего ветра... с запада" [Булгаков, 2008а: 344]. Круг замыкается.

Тем не менее, история общественности показывает недооценку материалистами общественных убеждений и этических принципов, экономического и правового значения религиозных основ человеческой жизни [Булгаков, 2008а: 228]. Внешнее "примирение" с существующим строем далеко не всегда означает его одобрение. Так, христианам суждено не пассивное принятие социальной среды, которую мы создаем и поддерживаем, а активное участие в социальных преобразованиях с полным сознанием своей ответственности за происходящее. Особую роль в этом делании Булгаков отводит интеллигенции, призывая ее "просветить народ, не разлагая его нравственной личности" [Булгаков, 2008а: 430]. А христианским социологам мыслитель вменяет в обязанность "консультировать политическую экономию, вообще, так сказать, социальную технологию" в первую очередь относительно средств для достижения государственных целей [Булгаков, 2008а: 236]. Единственное, что тревожит Булгакова, "все ли благополучно в душе интеллигенции, не сдвинута ли интеллигентская душа со своих устоев и не больна ли она?" [Булгаков, 2008а: 326]. Пожалуй, это главный вопрос, с ответом на который торопит нас С. Н. Булгаков из России 1911 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асп Э. К. Введение в социологию. СПб., 2000.

Бачинин В. А. О двух парадигмах социологического мышления // Социол. исслед. 2004. N 8.

Булгаков С. Н. 2008а. Два Града. Исследования о природе общественных идеалов. М., 2008.

- Булгаков С. Н.* 2008b. Дела и Дни: Статьи 1903- 1944. Мемуарная и дневниковая проза. М., 2008.
- Булгаков С. Н.* Свет невечерний. М., 1994.
- Булгаков С. Н.* Христианская социология // Социол. исслед. 1993. N 10.
- Воронцов А. В., Громов И. А.* История социологии XIX- начала XX века: в 2 ч. Ч. 2. Русская социология. М., 2005.
- Гараджа Е. В.* Социология религии в России // Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века) / Под ред. *Е. И. Кукушкиной.* М., 2004.
- Гарнак А.* Сущность христианства. М., 2010.
- Конт О.* Дух позитивной философии // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. М., 1996.
- Кубакин В. А.* Религиозная философия в России: Начало XX века. М., 1975.
- Социологическая** мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX - начала XX века / Под редакцией *Б. А. Чагина.* Л., 1979.
- Миненков Г. Я.* Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- Франк С. Л.* Религия и наука // URL: <http://www.vehi.net/frank/religiya.html>.
- Code of Ethics. Approved by the ISA Executive Committee, Fall 2001. // URL: http://www.isa-sociology.org/about/isa_code_of_ethics.htm
- Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. A Study in Religious Sociology. L., N.Y., 1915.